

На закате дня возле Горницкой обители

ГОРИЦКИЙ ВОСКРЕСЕНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

село Горицы

О Горицком монастыре в последнее время издано достаточно литературы. Выбирая очерк А. Н. Муравьева из его книги «Русская Фиваида на Севере» мы руководствовались желанием передать ту атмосферу духовной жизни, которая царила в середине XIX века, рассказать о женской обители в самый период ее расцвета устами современника. Вот его заметки о Горицах.

...На третий день моего пребывания в Кириллове, просил я отца архимандрита отпустить со мною его заместника для посещения Горицкой женской обители и пустыни Нила Сорского. Мы рано собрались в путь, чтобы еще застать позднюю литургию в Горицах, которые отстоят за семь верст от монастыря; нам благоприятствовало ясное весеннее утро; излучистая дорога пролегла сперва вдоль величественного озера Сиверского, а потом лесистыми пригорками, огибая высокую гору Мауру, поросшую лесом, которая господствует над живописною долиною Шексны. На берегу сей тихой реки, в одном из ее своеобразных изгибов, притаилась, у подошвы Мауры, скромная обитель инокинь, робко искавших себе приюта и здесь между гор обретших, подобно голубице Ноевой, место стояния ногам своим, отчего и обитель прозвалась Горицами. Но это безбурное ныне пристанище, отколе, как из чистого многоводного источника, непрерывно почерпают духовную струю окрестные обители, чрез избираемых отселе настоятелей, — эта мирная обитель, от самого своего начала, долгое время была местом плача и царственной скорби великих земли, неволею здесь постригаемых или заточаемых. Горицы были, как и Кириллов, во дни Иоанна и позже, исключительно местом ссылки для княжеских и царских инокинь, ибо не

было другой женской обители в такой суровой глуши, под крепкою стражею Кирилловых твердынь.

Первая горько обновила сию темницу великая инокиня Евдокия, бывшая в мире княгиня Старицкая Евфросиния. Она во дни своей славы, будучи супругою меньшого из сыновей великого Иоанна, устроила сию обитель в 1544 году, для неведомых нам инокинь, потому что не сохранилось даже имени первой настоятельницы; она соорудила здесь первую церковь, доселе существующую, во имя Воскресения Христова, так как пределы Белозерские были всегда достоянием князей Можайских или Старицких, младшей отрасли державствующего великого князя. Не думала тогда честолюбивая княгиня, тетка царя Иоанна Васильевича, хотя уже испытанная бедствием во время его малолетства, при жестокой правительнице Елене, которая уморила в темнице ее мужа, не думала она, что обитель Воскресенская, ею устрояемая на дальнем севере, будет для нее местом заточения, но такая горькая судьба ее здесь ожидала. Когда во время болезни Иоанновой не состоялась ее честолюбивые замыслы, она вынуждена была сперва клятвенно отказаться от всяких притязаний для сына своего на венец царский. Потом, по кончине кроткой Анастасии, когда уже предвиделась гроза Иоаннова, княгиня постриглась, волею или неволею, в одно время со своею племянницею, вдовою царского брата Юрия, и еще со всею пышностью двора княжеского, сопровождена была в Горицы, отколе осыпала своими благодеяниями соседнюю обитель Кириллову. Это было в 1586 году, а шесть лет спустя, княгиня инокиня Евдокия, по воле грозного царя, утоплена была в мимотекущей Шексне, вместе с племянницею своею Иулианиею, в иночестве Александрию, в виду основанной ею обители.

Но гнев Иоаннов не помешал воздать им последнего долга, и обе княжеские страдалницы погребены были против алтаря соборного, в особой часовне, где часто над их гробами служили панихиды.

Протекли немногие годы, и там явилась другая именитая узница, вдова мучителя Евфросинии, осиротевшая царица Мария, в инокинях Марфа, которая только что лишилась сына своего мученика царевича Дмитрия, убиенного в Угличе, и неволею была пострижена в Череповской обители святого Николая, что на Выксе; но она, от времени до времени, посещала Горицы и там устроила два придела в соборной церкви, во имя Богоматери Одигитрии, Путеводительницы на бедственном море житейском, и святого Кирилла Белозерского, как ближайшего покровителя пустынного ее заточения. Вскоре, однако, с сердечною радостью, соорудила она и третий придел в том же соборе, во имя прославленного сына ее царевича Дмитрия, которого нетленные мощи уже перенесены были в собор Архангельский, и сама она, возвращенная из заточения, водворилась в Кремлевской обители Вознесения, при державе Василия Шуйского. Образ сына, ею присланный для сего нового придела, доселе стоит в церкви. Как утешительно было сердцу матери, призывая в ликах святых имя милого своего отрока, столь горько и столько лет ею оплакиваемого!

И других именитых изгнанников видела в стенах своей обители Горицкая, во дни Годунова, в числе коих был также царственный отрок, будущий царь Михаил. Когда утвердился на престоле царь Борис, он простер свое гонение на всех родственников бывшего царя Феодора, и первыми жертвами были Романовы, ближайшие по родству к престолу. Боярин Феодор Никитич, будущий Патри-

арх, был пострижен неволею в Сийском монастыре Архангельских пределов; супруга его, великая инокиня Марфа, в одном из заонежских погостов: зятя, князя Бориса Черкасского, с женою и малолетними детьми брата ее заточили на Бело-озеро; самого князя в Кириллове, жену же с отроком Михаилом — в Горицах; итак, обитель сия была свидетельницею отроческих его слез, и отсюда переселился он в Костромские свои отчины. Едва только возвращены были из заточения царица Мария и Романовы, как их там на время сменила другая жертва, уже самозванца, — дочь их гонителя Годунова, прекрасная Ксения, опозоренная Лже-Димитрием и сосланная им на Белоозеро. Казалось уже такая была участь Гориц, что в их ограде все Державные гонители платили собственными присными жертвами за пролитую ими кровь или за гонимых в сей пустыне. Тотчас, однако, по смерти самозванца, освобождена была несчастная царевна.

Есть еще один придел, в соборном храме Троицком, близ Димитриева, во имя великомученицы Екатерины, который, быть может, был сооружен на память другой царственной невольной инокини Марии — супруги Шуйского; известно, что она была пострижена под именем Екатерины и увезена в Суздаль, а может быть, и на Белоозеро. Не приложили ли и она своей печальной памяти к памяти других узниц Горицких, и не ею ли устроен придел во имя великомученицы? — впрочем это одни только предположения. Что касается до колокольни, то известно, что она сооружена была иждивением царицы Марии, матери мученика Димитрия, которая особенно благоволила к обители Горицкой. Вот все, что нам сохранила о ней отечественная история; более царственных слез в ней было пролито, нежели сколько рассыпано жемчуга на богатых приношениях ее великих затворниц!

С такими воспоминаниями взошел я в мирную ограду Горицкой обители и уже застал литургию в теплом Троицком соборе; его соорудила усердная игуменья Маврикия на месте той часовни, которая была поставлена над гробами княгинь Евфросинии и Иулиании. Внутреннее устройство храма

очень изящно; есть два придела, на пространных хорах, и все почти иконы художества самих сестер. Чудотворная икона Владимирской Богоматери привлекает молитвенников, благочиние священнодействующих и поющих ликов возбуждает к молитве; повсюду виден порядок и материнская забота многолетней настоятельницы, которая уже более сорока лет управляет обителью и сделала ее рассадником иночества на севере, ибо до трехсот сестер и послушниц собралось под ее мирную сень. Еще недавно от тихой лампы Горицкой возжглась другая, более яркая — в северной столице, и малая — сперва семья инокинь, скромно приютившаяся на берегах Невы, в бывшем подворье Униатском, теперь торжественно и многолюдно переселилась в новую великолепную обитель Воскресения, которая для них сооружена царскими щедротами, во исполнение благочестивой мысли державной Елисаветы. И сколько других отраслей пустила от себя мирная обитель Горицкая, куда преимущественно уединяется цвет нашего дворянства, чтобы вдали от мирской суеты, на безвестных берегах Шексны, насыщать душу созерцаниями духовными! Келии инокинь деревянные, малыми домиками рассеяны кругом двора, на скате холма спускающегося к реке; по смиренной наружности Гориц нельзя себе вообразить, какое духовное богатство в ней таится, и сколько опытных руководительниц, из глубины своего смирения, даровала она другим, более прославленным обителям!

После обедни взошел я в холодный собор Воскресения, чтобы взглянуть на его исторические престолы, но, кроме некоторых древних икон: Одигитрии, преподобного Кирилла и царевича Димитрия, — не нашел в нем древностей, потому что постепенно все поновляемо было с годами, и даже внутреннее расположение храма переделано в недавнее время для расширения ризницы. Участь первой храмоздательницы княгини Евфросинии, царицы инокини Марии, царевны Ксении и других страдалец сего летописного места живо представились моему воображению, особенно в приделе царевича Димитрия, который вместе напоминал и о земном плаче матери, и о небесной славе ее отрока.

Покамест осматривал я церковь, взошла сама игуменья Маврикия. Две послушницы возвели семидесятилетнюю старицу на церковное крыльцо, и я изумился ее бодрости в такие преклонные годы. Сама она усердствовала показать мне все, что было устроено в долгое ее управление, и я напрасно убеждал ее пощадить свои силы. Трогательно было ее смирение: ничего не приписывала она себе, хотя все, можно сказать, было делом рук ее, и беспрестанно отговаривалась своим неведением и простотою. «Я, батюшка, ничего не помню и не знаю, потому что меня уже одолевает старость, а вот, извольте сами смотреть, что у вас есть пред глазами». На вопросы исторические о ее обители, она смиренно отвечала: «Где мне все это знать, ведь я из простых», и действительно, не со стороны исторической замечателен теперь монастырь: надобно видеть, что она в нем сделала в нравственном и хозяйственном отношении, дабы вполне оценить сорокалетний ее подвиг. Не напрасно и те насельницы, которые вышли в другие обители из-под ее сени, желали бы опять возвратиться к ней в качестве послушниц.

Игуменья предложила мне прежде всего осмотреть ризницу, и есть чем полюбоваться в этом богатом хранилище; не знаешь чему больше дивиться: богатству ли украшения или изяществу вкуса, ибо тут все слито вместе; одной этой утвари стало бы на многие обители. «Много ли вы сами тут трудились?» — спросил я у игуменьи. «Умела я шить в свое время, — отвечала она, — теперь уже давно и руки отказались, да и прежних золотошвей у нас теперь нет; вот то, что собрала в сорок лет». Когда удовлетворилось мое любопытство в ризнице, неутомимая настоятельница повела меня в нижний ярус соборной церкви, где устроена трапеза с приделом святого Кирилла Новоозерского. Можно было полюбоваться на опрятность и порядок, которые наблюдались между многочисленными сестрами. Далее повела она в хлебню и поварню, куда проведена ею вода из кладезя, не без многих издержек, чтобы только соблюсти везде чистоту и для облегчения служащих сестер. Потом мы посетили больницу, и это было венце ее христианских подви-

гов. Мне совестно было утруждать почтенную старицу, но она хотела непременно всюду за мною следовать, и ее как бы несли на руках по монастырю, потому что кости ее, по выражению псаломскому, «яко сушило сохшося», и только бодрость духовная оживляла это обветшалое тело. «Вы меня не ждите, а я уже нагоню вас», — говорила она, и, действительно, едва только дошел я до больничного корпуса, уже Маврикия была там. Это вместе больница и богадельня для неизлечимых; в ней устроена церковь Покрова Богородицы и еще во втором ярусе два придела, Небесных Сил и Предтечи; служба видна и слышна и для живущих внизу. Нельзя было без умиления смотреть, как все болящие встречали свою мать игуменью, в полном смысле сего слова; все желали поцеловать ее руку; одна многолетняя страдальца, прикованная к одру болезни, просила только, чтобы игуменья подошла к пергородке, дабы могла на нее взглянуть: такую общую любовь и уважение умела она возбудить во всех, без различия возраста и звания.

Из больницы вышел я в келии радужной настоятельницы, которая хотела непременно чем-либо меня угостить, несмотря на краткость времени, потому что я спешил в пустынь Нила Сорского, чтобы к вечеру возвратиться опять в Кириллов, а между тем черные тучи скопились уже на вершине лесистой горы Мауры. С балкона келии открывался живописный вид на внутренность обители и на веселую окрестность, оживленную течением реки; старица все заботилась о угощении. «Куда вы так спешите, — говорила она, — приехав однажды сюда, из таких далеких мест на несколько часов! стоило ли приезжать?» «Но разве я уже не осмотрел всего, что наиболее достойно внимания в вашей обители?» — отвечал я, — теперь могу составить себе полное и ясное об ней понятие; а между тем, вы сами знаете, что до обители Нила Сорского отсюда еще пятнадцать верст, и столько же оттуда обратно до Кирилловой, и вот посмотрите на Мауру: она грозит дождем». Но почтенная старица, для которой одна ее обитель составляла всю вселенную, не могла постигнуть, каким образом, в течение одного дня, думаю я вмес-

тить столько предметов, когда вся ее жизнь протекала на одном месте. «Разве не исполнил я слова, данного вам еще в Петербурге, нынешнею зимою, — сказал я, — посетить вашу обитель? — Много лет я туда собирался; довольно и того отрадного впечатления, которое она оставила навсегда в моем сердце; хорошо, если и несколько таких душистых цветков случится нам поднять, на многотрудной жизненной дороге. В столице мы опять, может быть, свидимся». Так мы расстались, и благословение добродетельной старицы мне сопутствовало в дальнейшее странствие.

* * *

Тепло и сокровенно писал о своем путешествии по Северной Фиваиде автор этих строк церковный историк и духовный писатель Андрей Николаевич Муравьев. В его повествовании помимо определенной информации улавливаешь, какую-то духовную устроенность государства, доброту людей, их искреннюю тягу к высшему смыслу через постижение Божественного. Не заумную, не претенциозную, а простую и искреннюю, как и был весь российский народ.

Эти места изменились до неузнаваемости после строительства Волго-Балтийского канала. Широкая водная гладь расстилается сегодня перед монастырем, и плывут по ней большие паромы и грузовые баржи. Постепенно, я бы даже сказал, тихо, заново обустраивается женская обитель.

Начало этому процессу положили приезжие. У этих мест есть удивительная способность возвращать сюда тех, кто хоть раз здесь побывал. Почти десять лет приезжали на восстановление Введенского храма, стоящего за стенами монастыря, петербуржцы, москвичи, люди из самых разных мест.

А в самих стенах монастыря постепенно стало образовываться монашеская община, которая и приводит нынче обитель в порядок. Несмотря на определенные разрушения, монастырь сохранился за счет пребывания в нем дома инвалидов, еще действует уникальный водопровод, сооружен-

ный в прошлом веке. Конечно, еще нет того буйства красок от разводимых здесь когда-то монахинями цветов, но постепенно, год за годом, возвращаются и устроенность, и благолепие монашеского уклада жизни.

Каждому приехавшему сюда непременно расскажут легенды о монастыре и о красоте неповторимых мест горы Мауры, возвышающейся над округой. Здесь свой уникальный растительный мир, в котором встречаются даже орхидеи. Сама гора и все что с ней связано, окутана многочисленными историями и преданиями. А вид с ее вершины открывается сказочный.

Интересны исследования о происхождении названий Гориц и Мауры, проведенные Леонидом Аркадьевичем Леликовым (1934-1988) в статье «Загадка горы Маура», который пришел к следующему выводу: «...Тема данного очерка наметилась в процессе довольно праздного разглядывания плана города Гориция на итало-югославской границе. Это самый значительный и наиболее славный из всех населенных пунктов такого названия, в средние века столица графства Горицкого и соответствующего архиепископства. Последнее сохраняется и поныне. На северном выезде из города план указывал гору Сан-Мауру. Сходство ситуации с нашей кирилловской было слишком очевидно, как и вторичность осмысления итальянского оронима от имени Сан Мауру, то есть, католического святого Мавра. Только в пору раннего средневековья было канонизировано шесть лиц с этим именем. До всех этих канонизаций гора, конечно, называлась иначе, видимо просто Маура или Мауро, как в Абрюзцах. Западные славяне почему-то, как это кажется, сознательно сблизжали территориально топонимы типа Горица и Маура, быть может, если держаться старой этимологии для Гориц, для подчеркивания священного контраста между обозначениями света и тьмы. Подтверждением этому служит Горица на том самом Ахероне, который у древних греков отделял их мир от потустороннего. Дело в том, что у Ахерона есть второе название — Мауропотамус, «Черный поток». Здесь ойконим Горицы сопоставлен не с оронимом, а с гидронимом от топоос-

новы «Маур-», что существа сакральных оппозиций, если они были, не меняет. Похоже, что это наиболее приемлемое объяснение для тесного соседства Гориц с Маурою на севере Адриатики, на знаменитом Ахероне-Мауро-Потамосе и у нас на Шексне».

Необычность данных мест приводит сюда много исследователей, паломников, но загадок меньше, чем загадок. Настоящие, серьезные исследования еще впереди.

ГОРИЦЫ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Возрождение Горицкого монастыря началось с 1990 года, когда местной православной общине был передан Введенский храм. Наверное, знаменательно и то, что первый в Горицах возрожденный храм не был монастырским: церковь Введения Пресвятой Богородицы находится за стенами обители. Святыня была осквернена, и требовалось понести много трудов, преодолеть немало искушений, прежде чем оказалось возможным затеплить лампаду монашеского жития в некогда славной и богатой, а ныне разоренной обители.

С той поры, как в 1932 году из Гориц выселили последних насельниц древней обители, казалось, монашеская жизнь здесь не возродится никогда. Новые хозяева разорили все, растащили имущество — в музей была передана только часть. Монастырские покои заселили людьми совсем не богомольными, а во время Великой Отечественной войны здесь устроили Дом инвалидов. В главном соборе обители — Троицком — открыли клуб.

Но с того момента, как Введенский храм был отдан православной общине во главе с Е. В. Осмокеску (молдавская фамилия у нее по мужу, а сама Евгения Васильевна — местная уроженка), здесь понемногу начала возрождаться церковная жизнь. Кстати, этот храм и закрыт-то был позднее, чем остальные здешние церкви — богослужения в нем продолжались до 1941 года. В последнее время размещалось овощехранилище — надо ли говорить, как много пришлось сделать женщинам, а так-

Послушница Юлия в монастырском парнике

Настоятельница монастыря игуменья Евфалия

же добровольным помощникам приезжающим сюда из разных мест, чтобы привести храм в порядок, сколько грязи они вытаскали! Пол был выстлан... могильными плитами, взятыми с монастырского кладбища (ныне от могил горлицких насельниц и следов не осталось). Первая Божественная литургия была совершена в этом храме только 20 июля 1994 года кирилловским иереем Алексием (Фомичевым).

И то, что директор клуба, находящегося в Троицком соборе, сама стала ходить в храм, писать духовные стихи — разве это не свидетельство того, что жива вера в нашем народе, что только верой православной и жива Россия...

На территории монастыря до сих пор нет действующего храма. Богослужения совершаются во Введенской церкви, которая расположена за пределами обители и передана монахиням совсем недавно, до того была приходской. Зато есть Дом культуры, который, как ни обещают власти, никак из Троицкого собора не переводят — некуда пока, говорят... Раньше в монастырских зданиях жили люди. Сейчас большинство жильцов переселили, но четыре семьи еще остались.

— Наверное, если бы мне кто сказал, что так тяжело придется, ни за что не поверила, — вздыхает матушка Евфалия (Лебедева), настоятельница Горлицкого монастыря. Это она вспоминает о том, как четыре года назад приехала сюда из Красногорского женского монастыря, что в украинском городе Золотоноше в Черкасской области. 16 лет прожила на Украине, прошла все ступени монашеского послушания, а последнее время, перед поездкой в Горлицы, не сла алтарное послушание. Кстати, среди разнообразных послушаний в Золотоноше было и такое: будущей настоятельнице Горлицкой обители довелось надзирать за работой строителей. Как эти навыки пригодились в Горлицах, спустя много лет!

Несколько лет назад появилась возможность возрождения в Горлицах монашеской жизни. Нужна была настоятельница — с опытом монашеской жизни, энергичная, умелая. И отец Константин Васильев, настоятель кафедрального собора в Волог-

де, вспомнил о своей давней знакомой — матушке Евфалии. Родом она из Сокола, там у нее до сих пор мама живет. Рассказал о. Константин о вологодской-украинской монахине епископу Вологодскому и Великоустюжскому Максимилиану, владыка обратился с просьбой к блаженнейшему Владимиру, митрополиту Киевскому и всея Украины, и матушку Евфалию направили в Горлицы.

— Когда приехала, — вспоминает матушка Евфалия, — первое время жила в комнате без оконных рам, без дверей, без пола...

Отчаиваться и плакать было некогда, надо было работать. И матушка работала.

За четыре года сделано немало. Восстановлен сестринский корпус, есть где жить и принимать гостей. Кстати, сама-то матушка до сих пор ютится в прежних своих «палатах» — конечно, есть там теперь и двери, и рамы, но закуток не превратишь во дворец. «Некогда переезжать, — говорит настоятельница, — не до этого сейчас». Она не о своих удобствах, о развитии обители думает. Понемногу обустроили скотный двор, обзавелись и коровой, и козами, и огород разрабатан огромный.

Урожаем здесь гордятся по праву. Да ведь и выращивают-то овощи не на выставку, для себя. И запасов хватает. Даже зимой в подвале цветную капусту выращивают — не в теплице, обычном подвале без всякого отопления.

Но главное в обители, конечно, не кабачки и козочки. Люди ведь сюда не овощеводством приходят заниматься, а душу спасать.

Владыка Максимилиан считает, что главное достижение настоятельницы Евфалии — то, что создана община. Горлицкие послушницы объединены молитвенной жизнью, трудом. В октябре 1999 года Священный Синод благословил открыть Воскресенский Горлицкий женский монастырь — юридически закрепив то, что создавалось долгим и упорным трудом

Послушницы здесь самые разные — по возрасту, по образованию, по жизненному опыту... Сестра Ирина (Филатова) приехала из Верхотурья — это древний уральский город. Она закончила медицинское училище (как и матушка настоятельница,

кстати). Работала фельдшером на «скорой помощи». Верхотурье считается православным центром Урала, здесь подвизался святой Симеон Верхотурский, которого почитает вся Русская Православная Церковь. Там возрождается мужской монастырь. Поехала Ирина за духовным советом в Троице-Сергиеву лавру. Побывала у известного старца отца Наума. Он и благословил ехать в Горлицы. Ирина до того и не знала, что такое место существует на земле, но поехала.

В то время матушка Евфалия жила здесь одна, вдвоем стало уже легче. А потом и другие послушницы появились. Галина, например, — заслуженная актриса, немало лет выступала на сцене вологодского драмтеатра. А вот Юлия недавно окончила педагогический университет. Ксения всю жизнь при кафедральном соборе, знает церковную жизнь по собственному опыту, она в обители профессора печет. Маргариту хорошо знают все, кто в кафедральный собор ходит, она много лет руководит левым хором. Если правый хор — профессиональные певчие, то в левый подбирают не по голосам. Здесь поют богомольные старушки. У Маргариты к церковному пению — настоящий талант, она службу знает прекрасно. А ведь по образованию — совсем не музыкант, а бухгалтер. Но Господь, говорят, приводит к Себе разными путями. Надо только уметь понять Божию волю, научиться не ставить свои желания на первое место.

Кто-то приехал сюда сам, кого-то мама привезла. У каждой послушницы свой путь к Богу. Теперь они восстанавливают обитель все вместе. С мая 1999 года в обители есть свой постоянный духовник — иеромонах Венедикт, он назначен настоятелем переданного обители Введенского храма. Все устойчивее и обустроеннее становится монашеская жизнь.

Об истории Горлицкой обители написано немало — есть и статьи, и книги. Здесь бывали и цари, и царицы, сюда отправляли в ссылку неугодных... Но история, как бы ни была она занимательна, — это уже прошлое. Сейчас матушка Евфалия строит со своими духовными чадами новую обитель. Да поможет им Господь, дав им сил телесных и духовных!

Сестры обители